# Влияние религиозных традиций на общество и политику / Influence of Religious Traditions on Society and Politics

Научная статья
Original article
**DOI:** 10.12731/3033-5981-2026-18-1-546
**EDN:** NQXYUW
**УДК 316.74:2**

## Влияние религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России

**А.В. Ворохобов, Р.В. Собко**
*Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Нижний Новгород, Российская Федерация*

***Аннотация***

**Обоснование.** В современной России усиливается переосмысление роли религии в публичной сфере. Возвращение религиозных институтов в общественную жизнь актуализирует вопрос о том, как они воздействуют на формирование гражданской идентичности – ключевого фактора социально-политической стабильности. Изучение взаимодействия религиозных традиций с идентификационной политикой государства позволяет выявить как консолидационный потенциал, так и противоречия, порождаемые секуляризацией сознания.

**Цель статьи** – определить механизмы и степень влияния религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России.

**Материалы и методы.** Исследование основано на принципах социально-философского и религиоведческого анализа. Методологический аппарат объединяет историко-генетический подход (позволяет проследить эволюцию взаимодействия религиозных и государственных институтов) и компаративистский метод (используется для сопоставления разных религиозных традиций). Эмпирическую базу составили данные социологических исследований последних лет, нормативно-правовые акты РФ в сфере государственно-конфессиональных отношений, программные документы религиозных организаций, а также публикации в ведущих российских научных журналах.

**Результаты.** Религиозные традиции в современной России выступают значимым фактором гражданской идентичности, обеспечивая трансляцию моральных норм и историческую преемственность. Взаимодействие государства и религиозных институтов строится по принципу симфонии, но сталкивается с вызовами

секуляризма и плюрализма. Установлено, что уровень религиозности коррелирует с лояльностью государственным институтам, однако религиозная идентичность не сводится к гражданской и не заменяет её, что требует различения в анализе собственно веры, этнокультурной традиции и гражданского самосознания, каждое из которых выполняет разные функции в структуре идентичности.

**Ключевые слова:** религиозные традиции; гражданская идентичность; секуляризация; государственно-конфессиональные отношения; Россия

**Для цитирования**. Ворохобов, А. В., & Собко, Р. В. (2026). Влияние религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, *18*(1), 85–105. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-546

# The influence of religious traditions on the formation of civic identity in modern Russia

**A.V. Vorokhobov, R.V. Sobko**

*V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Volga Branch, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

***Abstract***

**Background.** In the context of modern Russian reality, there is an intensification of processes of rethinking the role of religion in the public space. The return of religious institutions to public life raises the question of the mechanisms of their influence on the formation of civic identity, which acts as one of the key factors of social and political stability. The study of the interaction between religious traditions and state identity policy allows us to identify both the potential for consolidation and the hidden contradictions arising from the secularization of public consciousness.

**Purpose.** To identify the mechanisms and assess the degree of influence of religious traditions on the process of forming civic identity in modern Russia.

**Materials and methods.** The research is based on the principles of socio-philosophical and religious studies analysis. The methodological basis is a combination of the historical-genetic approach, which allows tracing the evolution of the interaction between religious and state institutions, and the comparative method for analyzing various religious traditions. The empirical base was formed by sociological research data for recent years, regulatory legal acts of the Russian Federation in the sphere of state-confessional relations, program documents of religious organizations, as well as publications on the problem in leading Russian scientific journals.

**Results.** Religious traditions in modern Russia act as a significant factor of civic identity, performing the functions of transmitting moral norms and historical continuity.

The interaction between the state and religious institutions is built on the principle of symphony, but faces the challenges of secularism and pluralism. It has been established that the level of religiosity correlates with loyalty to state institutions, but religious identity itself is not reducible to civic identity, which requires distinguishing between faith, ethnocultural tradition, and civic consciousness in analysis.

**Keywords:** religious traditions; civic identity; secularization; state-confessional relations; Russia

**For citation**. Vorokhobov A. V., & Sobko R. V. (2026). The influence of religious traditions on the formation of civic identity in modern Russia. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(1), 85–105. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-546

## Введение

Проблема формирования гражданской идентичности в современной России особенно значима в связи с поиском национальной идеи и способов консолидации многонационального и поликонфессионального общества. Когда традиционные ценностные ориентиры (понимание семьи (традиционная vs. современная модель), патриотизм и его соотношение с критическим отношением к государству, историческая память (особенно оценка советского периода), традиционные гендерные роли, отношение к правам человека и индивидуальной свободе в контексте коллективных ценностей, восприятие «традиционности» как нормы в мультикультурном обществе) оказываются в ситуации трансформации, а информационное пространство дробится, обращение к религиозным традициям как к одному из источников моральных норм и носителю исторической преемственности становится важным направлением государственной политики. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявить, как именно религиозные институты участвуют в становлении гражданской идентичности, и оценить пределы их эффективности. При этом речь идёт о религиозных направлениях, исторически укоренённых в России, которые веками формировали культурный ландшафт и идентификационные матрицы населяющих страну народов.

Современные дискуссии о влиянии религии на гражданскую идентичность можно представить в трёх взаимосвязанных аналитических измерениях. Институциональное измерение сосредоточено

на государственно-конфессиональных отношениях как рамке, в которой религиозные организации получают возможность участвовать в идентификационной политике. Религия, отвечая на экзистенциальные вопросы, неизбежно проецирует свои смыслы на социальное и политическое поведение верующих [4]. Правовая база такого взаимодействия развивалась в ряде нормативных актов. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 относит религию к ключевым источникам традиционных ценностей [15]. В исследовательской литературе подчёркивается, что правовые механизмы в этой сфере постоянно совершенствуются с учётом многообразия религиозных традиций, а нормативно-правовые акты играют определяющую роль в создании институциональных рамок взаимодействия государства и религиозных организаций [18]. Религиозные институты становятся значимыми акторами в публичной сфере. Концепция гражданской религии предполагает систему символов, ритуалов, верований и ценностных установок, которые сакрализуют государство, нацию или общество в целом, придавая им священный характер и интегрируя граждан в единую политическую общность. При этом важно учитывать, что гражданская религия может существовать и вне прямой связи с религиозными конфессиями [11].

Социокультурное измерение раскрывается через анализ религиозности как динамичного феномена, меняющего свои формы в постсекулярную эпоху. Традиционные конфессии, как указывает А.Л. Синь, выступают не только религиозными системами, но и культурными матрицами, обеспечивающими преемственность исторической памяти [17]. Религиозная идентичность амбивалентна: она, как отмечает Е.И. Буркова, может служить ресурсом консолидации или инструментом политической мобилизации [3]. В российской культурной традиции, по мнению М.М. Бичаровой, религиозная идентичность часто осмысляется через категорию «духовности», что отличает её от западных моделей, где на первый план выходит индивидуальный вероисповедный выбор [2]. С.В. Степанов в обзорной работе фиксирует эволюцию подходов к изучению религиозной идентичности в России конца XX – первой четверти XXI вв. [19].

Этнополитическое измерение приобретает особую значимость в контексте поликонфессионального и полиэтничного состава России. Как показывают исследования Л.Н. Мордишевой с соавторами, религиозная идентичность в разных регионах демонстрирует вариативность моделей интеграции в общероссийский контекст [10]. Процессы религиозного возрождения отличаются мозаичностью, а проблема определения «традиционности» требует особого внимания, на что указывают А.А. Ярлыкапов и А.З. Адиев [22]. В регионах традиционного распространения буддизма, по данным П. Топпера, формируются новые формы идентичности, где религиозное и этнокультурное возрождение идут рука об руку [20]. Интегративный потенциал религиозных институтов в полиэтничных регионах подтверждается исследованиями К.А. Багаевой и Д.Ш. Цырендоржиевой [1]. Межрелигиозный диалог выступает важным механизмом согласования идентификационных стратегий различных конфессий, как отмечают Р.Н. Лункин и С.В. Мельник [8]. Религиозные ценности могут выступать ресурсом консолидации общества, однако степень их влияния варьируется в зависимости от регионального и конфессионального контекста. Религиозные институты, согласно данным В.А. Матвиенко, обладают высоким потенциалом в культурно-воспитательной работе [9]. Как показано в работе М.М. Мчедловой, региональная специфика конфессиональной идентичности существенно влияет на гражданскую консолидацию [12].

Социологические исследования последних лет фиксируют противоречивую динамику религиозности россиян: по данным ВЦИОМ, доля верующих остаётся стабильно высокой, однако уровень регулярной религиозной практики, согласно тем же опросам, невысок. Мониторинговые данные также свидетельствуют о сохранении значительной доли «культурных верующих», для которых религиозная идентичность не предполагает последовательного следования конфессиональным предписаниям [7; 16; 17].

Новизна исследования состоит в системной концептуализации влияния традиционных религиозных традиций на гражданскую идентичность через выделение институционального, социокультур-

ного и этнополитического измерений, а также в комплексном анализе официальных документов религиозных организаций и нормативно-правовых актов в их взаимосвязи с эмпирическими данными. В отличие от работ, фокусирующихся на отдельной конфессии, в данном исследовании применяется компаративный подход, позволяющий выявить как общие закономерности, так и конфессиональную специфику участия религии в формировании идентичности.

*Цель исследования* – выявить механизмы и оценить степень влияния религиозных традиций на процесс формирования гражданской идентичности в современной России. Под гражданской идентичностью в работе понимается осознание индивидом своей принадлежности к российскому обществу и государству, основанное на принятии общих ценностей, истории и культурных кодов.

**Материалы и методы**

Теоретико-методологическую базу исследования составили принципы социально-философского и религиоведческого анализа. Социально-философский подход позволил рассматривать религиозные традиции как социальные институты, включенные в процессы конструирования коллективных идентичностей, а религиоведческий анализ обеспечил учёт конфессиональной специфики, необходимый для корректного сравнения различных традиций.

Методологическая основа исследования включала сочетание историко-генетического и компаративистского методов. Историко-генетический подход был применён для реконструкции эволюции взаимодействия религиозных и государственных институтов в постсоветский период, что позволило выявить логику формирования современной модели государственно-конфессиональных отношений. Компаративистский метод использовался для сопоставления четырёх традиционных религий России – православия, ислама, буддизма и иудаизма – по параметрам взаимодействия с государством, степени интегрированности религиозных символов в публичный дискурс и соотношению религиозной и этнокультурной составляющих идентичности.

Эмпирическую базу исследования составили три группы источников. Первая группа – данные социологических исследований, проводившихся в последние годы, в частности материалы Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [16]. Вторая группа – нормативно-правовые акты РФ, регламентирующие сферу государственно-конфессиональных отношений: Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [21] и Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [15]. Анализ этих документов проводился с использованием методов контент-анализа и дискурс-анализа. Третья группа – актуальные научные исследования, посвящённые рассматриваемой проблематике. Их анализ позволил выявить основные подходы, дискуссионные вопросы и эмпирически зафиксированные закономерности в области влияния религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России.

**Результаты и обсуждение**

Прежде чем обратиться к эмпирическому анализу влияния религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в России, необходимо эксплицировать теоретическую рамку, в рамках которой осуществляется данное исследование. В основе работы лежит понимание коллективной идентичности как социального конструкта, который не сводится к простой фиксации наличия общего признака, а требует процесса наделения этого признака значимостью и его успешной трансляции в обществе. Как показывают исследования в области социологии идентичности, сама по себе принадлежность к определённой конфессии не порождает автоматически чувства общности и лояльности; необходима работа символического производства, в ходе которой религиозный маркер обретает смысл, способный консолидировать группы [17; 19]. Этот процесс всегда осуществляется в конкретном социально-историческом контексте, где различные акторы обладают неодинаковыми ресурсами для продвижения собственных определений реальности.

В структуре индивидуального самосознания выделяют три уровня: суперординатный (осознание себя частью человечества), промежуточный (групповая принадлежность) и субординатный (личностные характеристики). Для анализа гражданской идентичности ключевое значение имеет промежуточный уровень, на котором формируются представления о принадлежности к большим социальным общностям – этническим, конфессиональным, национальным. Религиозные традиции могут участвовать в конструировании этого уровня двояко: выступая либо в качестве самостоятельной идентичности, либо будучи вплетёнными в более широкие гражданские или этнокультурные идентификационные матрицы. В современной России, где религиозное возрождение сопровождается процессами секуляризации сознания, особую значимость приобретает вопрос о том, на каких основаниях – собственно религиозных или культурно-символических – происходит интеграция конфессиональных традиций в общенациональную идентичность [4; 5].

Теоретически значимым для данного исследования является также понятие «предельной идентичности» – наиболее широкого круга принадлежности, который задаёт границы солидарности и определяет, что́ индивид воспринимает как «свой» мир. В различные исторические периоды эту функцию выполняли локальная община, сословие, нация. В условиях глобализации и постсекулярного поворота религиозные традиции вновь могут приобретать качество предельной идентичности, особенно в ситуациях, когда государственные институты испытывают трудности в поддержании единого ценностного пространства [12]. Для России, с её полиэтничным и поликонфессиональным составом, актуальным является вопрос о том, способны ли традиционные религии России выступать в качестве такой предельной идентичности, не вступая в противоречие с гражданским единством, или же их роль ограничивается поддержанием групповых солидарностей внутри отдельных сообществ.

Православие в современной России занимает доминирующее положение среди традиционных религий, что обусловлено как историческими факторами (многовековое существование в качестве

государственной религии), так и демографическими показателями. А.Л. Синь демонстрирует, что православие выполняет функции не только религиозной системы, но и культурной матрицы, обеспечивающей преемственность исторической памяти значительной части российского общества [17]. Данные ВЦИОМ показывают, что большинство россиян идентифицируют себя с православием, при этом регулярное участие в религиозной практике сохраняется у незначительной части верующих [6; 16].

Анализ религиозной идентичности как фактора политического развития, проведённый Е.И. Бурковой, указывает на её двойственную природу: она может быть как ресурсом консолидации, так и инструментом политической мобилизации [3]. В российской культурной традиции религиозная идентичность часто осмысляется через категорию «духовности», что отличает её от западных моделей, где на первый план выходит индивидуальный вероисповедный выбор [2]. Это различие облегчает включение религии в государственную идентификационную политику. Влияние Русской православной церкви (РПЦ) на формирование гражданской идентичности не ограничивается декларативными заявлениями. Как справедливо отмечает В.С. Незнанова, РПЦ выступает в роли значимого актора гражданского общества, участвуя в социальном служении и образовательных проектах, что позволяет ей транслировать государственно одобряемые ценности непосредственно в социальную среду [13]. Это взаимодействие создаёт механизм, при котором религиозная лояльность коррелирует с лояльностью государственным институтам. Вместе с тем необходимо учитывать, что подобная близость может провоцировать антиклерикальные настроения, что указывает на неоднозначность восприятия роли РПЦ в публичной сфере.

Ислам является второй по численности религиозной традицией в России. Исламская идентичность в России демонстрирует высокую степень вариативности моделей интеграции в общероссийский контекст [10]. В ряде регионов, таких, к примеру, как Татарстан и Башкортостан, исламская идентичность органично вписана в общероссийский контекст, что подтверждается высоким уровнем

доверия к федеральным институтам [10; 11]. В других регионах, преимущественно на Северном Кавказе, она может выступать в качестве альтернативы общероссийской [22]. В программных документах централизованных религиозных организаций мусульман подчёркивается, что мусульмане России являются неотъемлемой частью российского общества, и их религиозная идентичность не должна противоречить гражданскому долгу [22]. При этом важно учитывать, что в России действуют три крупных объединения, представляющих интересы мусульманского сообщества на федеральном уровне: Совет муфтиев России (Москва), Центральное духовное управление мусульман (Уфа) и Координационный центр мусульман Северного Кавказа (Черкесск). Их позиции по отдельным вопросам государственно-конфессиональных отношений могут не совпадать, что создаёт дополнительную сложность для выработки единой идентификационной стратегии.

Исследования Л.Н. Мордишевой с соавторами показывают, что ключевым фактором, определяющим успешность интеграции исламской идентичности в общероссийскую, является не столько уровень религиозности, сколько баланс между этнокультурным и религиозным компонентами в самосознании. Там, где ислам воспринимается преимущественно как культурная традиция, противоречия с гражданской идентичностью минимизируются [10].

Буддизм в России представлен преимущественно школой гелуг и является традиционной религией для ряда национальных республик. Становление буддизма в современной России, по наблюдению П. Топпера, характеризуется как формирование новой идентичности, где буддизм выступает маркером этнокультурного возрождения [20]. Социальные функции буддизма, включая его интегративный потенциал, проявляются в том, что буддийские ценности ненасилия, сострадания и гармонии с природой органично вписываются в государственную риторику о межнациональном мире. В документах Буддийской традиционной сангхи России гражданская идентичность определяется как осознанное следование общероссийским ценностям, не противоречащим буддийскому учению. В буддийских

регионах социальные функции религии расширяются: она выступает не только институтом трансляции ценностей, но и механизмом психологической поддержки и социальной интеграции в условиях модернизации, что снижает потенциальную конфликтогенность традиционного уклада и современного общества [1, с. 28].

Иудаизм в современной России представляет собой сложный феномен, в рамках которого религиозная идентичность нередко уступает место этнокультурной. Большинство российских евреев демонстрируют светское самосознание, связывая свою идентичность с происхождением, семейными традициями и культурным наследием, а не с соблюдением религиозных предписаний. Это следует из выводов Е.Э. Носенко-Штейн, которая на основе многолетних полевых исследований выделяет несколько типов самоидентификации у людей еврейского происхождения в постсоветской России [14, с. 99–106]. Среди них: «нееврейский» тип (идентификация с доминантной русской или советской культурой, часто сопровождающаяся крещением); «негативный» тип (восприятие еврейства сквозь призму антисемитизма); «православная еврейская» самоидентификация (крещение при сохранении памяти о еврейских корнях); амбивалентный (гибридный) тип, при котором индивид ситуативно переключается между еврейской и русской/советской идентичностью; и «новая» еврейская самоидентификация, конструируемая с 1990-х годов еврейскими религиозными и светскими организациями, часто опирающаяся на «светский иудаизм» или «Do It Yourself Judaism» [14, с. 108–110].

Представленная типология позволяет концептуально обосновать различение собственно религиозной веры, этнокультурной традиции и гражданской идентичности. Для значительной части российских евреев иудаизм выступает не столько как религиозная система, сколько как культурный маркер, что делает эту конфессию показательным примером для анализа соотношения этнического и религиозного в структуре гражданской идентичности. В постсоветский период сформировалась устойчивая модель этно-гражданской идентичности, при которой российские евреи в опросах

демонстрируют высокий уровень идентификации с российским гражданством и лояльности стране проживания. При этом «новая» еврейская самоидентификация, продвигаемая еврейскими организациями, направлена на формирование позитивных религиозных и культурных символов, однако её влияние на массовое сознание остаётся ограниченным, а число носителей – невелико [14, с. 112].

Сравнительный анализ выявляет общую закономерность: во всех религиозных традициях России наблюдается разрыв между декларируемой идентичностью и регулярной практикой, что создаёт пространство для «культурной религиозности» – идентификации с конфессией без строгого следования предписаниям. Религиозность в таком контексте выступает антропологической константой, принимающей светские формы выражения. «Культурная религиозность» часто интерпретируется как инструмент, позволяющий государству использовать символический капитал традиционных конфессий без прямого нарушения светского характера государства. Однако эта модель вызывает дискуссии: критики указывают на растущее присутствие религии в публичных институтах (введение основ религиозных культур в школах, институт военного духовенства, строительство храмов за бюджетный счёт), что позволяет говорить о постепенной, хотя и не всегда формальной, клерикализации отдельных сфер. В постсоветских условиях она обеспечивает преемственность исторической памяти при утрате массовой регулярной практики [19].

В России сложилась «симфоническая» модель государственно-конфессиональных отношений: партнёрство при сохранении светского характера государства. Законодательно закреплены механизмы участия религиозных организаций в образовании, культуре и социальной поддержке [21, ст. 4], а религия, в свою очередь, определяется в качестве одного из ключевых источников традиционных ценностей [15]. Как подчеркивает Д.И. Скрябин, именно нормативно-правовые акты формируют институциональные рамки, в которых религия может влиять на гражданскую идентичность, определяя не только права, но и границы допустимого участия ре-

лигиозных организаций в публичной сфере [18]. Вместе с тем существующее законодательство, в частности Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» задаёт лишь общие контуры, оставляя пространство для различных интерпретаций светскости, что порождает дискуссии о пределах присутствия религии в публичном пространстве. Особенность российской модели заключается в дифференцированном подходе к различным конфессиям. Православие занимает положение «первого среди равных», что проявляется в его более активном присутствии в публичном пространстве и в образовательных программах. Ислам, буддизм и иудаизм признаются «традиционными» и получают государственную поддержку, но в меньших масштабах. Эта дифференциация создаёт определённые вызовы, однако, как показывают исследования, в регионах компактного проживания мусульман, буддистов и иудеев институциональное взаимодействие с властями часто выстраивается на более равноправной основе [10; 22]. Концепция гражданской религии, предложенная Е.И. Мурогом, позволяет осмыслить этот процесс как формирование новой идентичности, синтезирующей конфессиональные ценности и светские идеологемы [11]. Один из каналов такой трансляции – риторика Межрелигиозного совета России, хотя понятие гражданской религии не сводится к деятельности этого института и охватывает более широкий спектр символических практик [8].

В современном российском пространстве религия преимущественно представлена в качестве культурно-морального дискурса, будучи для большинства россиян маркером культурной и национальной принадлежности. Православие, ислам и буддизм выступают значимыми факторами формирования гражданской идентичности через возрождение традиционных ценностей [19]. Социальная сплочённость и духовность дополняют друг друга, а религиозные организации, в свою очередь, играют ключевую роль в их обеспечении [7]. Молодёжь проявляет интерес к вере, но ее религиозная идентичность подчас ситуативна, и не трансформируется в регулярную практику [9], что создаёт как возможности, так и риски для

гражданской идентичности. При этом религиозная ситуация в регионах неоднородна. В некоторых субъектах РФ религиозная идентичность может выступать более сильным идентификатором, чем общероссийская, что создаёт необходимость поиска баланса между признанием культурно-религиозной специфики и поддержанием единого гражданского пространства [12]. Современное российское общество сталкивается с вызовом, который можно определить как «дилемму секулярного государства», когда постулируется стремление сохранения светского характера политической системы, и одновременно очевидна необходимость использования религиозного потенциала для консолидации социума.

Важной теоретической рамкой для понимания этих процессов является различение между религией как институциональной системой верований и религией как культурной традицией, укоренённой в повседневности. В современной России, как и во многих других обществах, переживающих постсекулярную трансформацию, наблюдается своего рода «разделение труда» между этими двумя измерениями: институциональные религиозные организации всё чаще выступают носителями нормативного дискурса о традиционных ценностях, в то время как на уровне индивидуального сознания религиозность продолжает существовать преимущественно в «культурной» форме, не предполагающей высокой степени вовлечённости в церковную жизнь [5].

В регионах РФ религиозная идентичность может выступать более сильным идентификатором, чем общероссийская, что требует баланса между признанием культурно-религиозной специфики и единым гражданским пространством. Именно поэтому конфронтационные модели имеют тенденцию замещения интеграционными стратегиями. Так, Межрелигиозный совет России выступает площадкой согласования позиций, где участие в совместных мероприятиях формирует представление о совместимости конфессиональной и гражданской идентичностей [7]. Как отмечают Р.Н. Лункин и С.В. Мельник, межрелигиозный диалог на постсоветском пространстве переходит от декларативных форм к институционализированным

механизмам, что особенно важно в контексте профилактики экстремизма и укрепления гражданского мира [8].

Опыт межконфессионального взаимодействия в России показывает, что религиозные традиции способны выполнять функцию интеграции не только через прямое влияние на сознание верующих, но и через формирование общего символического поля, в рамках которого различные конфессии могут находить точки соприкосновения. В этом смысле деятельность Межрелигиозного совета России, объединяющего лидеров православия, ислама, буддизма и иудаизма, представляет собой уникальный институциональный механизм, позволяющий транслировать в публичное пространство согласованные позиции по вопросам гражданской идентичности, патриотизма и межнационального согласия. При этом важно, что данный диалог строится не на унификации религиозных доктрин, а на признании общей социальной миссии традиционных конфессий в сохранении единства российского общества.

Таким образом, традиционные религии России обладают значительным потенциалом для укрепления гражданской идентичности, однако реализация этого потенциала требует выработки сбалансированной государственной политики, учитывающей как конфессиональную специфику, так и региональные особенности, а также права и мировоззрение нерелигиозных граждан. Ключевым условием успешной интеграции является сохранение светского характера государства при одновременном признании особой роли традиционных религий как источников нравственных ориентиров и культурно-исторической преемственности.

**Заключение**

1. Религиозные традиции в современной России выступают значимым институциональным и социокультурным фактором формирования гражданской идентичности, обеспечивая трансляцию моральных норм, историческую преемственность и выступая в качестве культурных матриц для значительной части населения. Их влияние реализуется через механизмы «культурной религиозно-

сти», позволяющие интегрировать символический капитал традиционных конфессий в идентификационную политику государства без формального изменения светского характера государства, хотя критики указывают на риски постепенной, косвенной клерикализации отдельных общественных сфер.

2. Институциональное взаимодействие государства и религиозных организаций, закреплённое в нормативно-правовых актах и строящееся по принципу партнёрства («симфонии»), характеризуется дифференцированным подходом к конфессиям. Доминирующее положение православия как «первой среди равных» сочетается с признанием особой роли ислама, буддизма и иудаизма, что в регионах компактного проживания верующих формирует вариативные модели интеграции религиозной идентичности в общероссийский контекст.

3. Установлено, что уровень религиозности, выражающийся преимущественно в форме «культурной религиозности» (идентификация с конфессией без строгой регулярной практики), коррелирует с лояльностью государственным институтам. Однако сама по себе религиозная идентичность не тождественна гражданской: в ряде регионов она может выступать более сильным идентификатором, чем общероссийская, что требует различения в политике управления идентичностью собственно религиозной веры, этнокультурной традиции и гражданской идентичности как относительно самостоятельных уровней самосознания.

4. Межрелигиозный диалог, институционализированный в деятельности Межрелигиозного совета России, выступает ключевым механизмом согласования идентификационных стратегий различных конфессий и способствует формированию у верующих представления о совместимости конфессиональной и гражданской идентичностей. Основными вызовами для реализации консолидационного потенциала религиозных традиций остаются дилемма сохранения светского характера государства при использовании религиозного потенциала, плюрализм трактовок «традиционных ценностей» и риски превращения этнорелигиозной идентичности в фактор, ослабляющий единое гражданское пространство.

***Список литературы***

1. Багаева, К. А., & Цырендоржиева, Д. Ш. (2023). Социальные функции религии и специфики их реализации в условиях современности. *Вестник БГУ, (1)*, с. 18–30. https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-1-18-30. EDN: https://elibrary.ru/JCBHEE
2. Бичарова, М. М. (2020). Репрезентация концептов «религиозная идентичность» и «religious identity» в российской и западной лингвокультурах. *Филологические науки. Вопросы теории и практики, 13*(4), с. 147–155. https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30. EDN: https://elibrary.ru/GHLSNF
3. Буркова, Е. И. (2021). Религиозная идентичность как фактор политического развития России. *Дискурс-Пи, 18*(1), с. 91–113. https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-91-113. EDN: https://elibrary.ru/XDHEZU
4. Ворохобов, А. В. (2021). Религия как ответ на экзистенциальные вопросы (на примере христианства). *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities, 1*(4), с. 23–31. https://doi.org/10.25991/vrhga.2022.23.4.022. EDN: https://elibrary.ru/OJIPJK
5. Ворохобов, А. В. (2025). Религиозность как антропологическая константа: секулярный подход. В: *Актуальные проблемы современного российского религиоведения: термины и базовые концептуализации феномена религиозности* (с. 69–71). Владимир: Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. EDN: https://elibrary.ru/MRWVRX
6. В РФ 67 % православных, 7 % мусульман — опрос ВЦИОМ (б. д.). *Институт религии и политики*. Retrieved from https://irp.news/v-rf-67-pravoslavnyh-7-musulman-opros-vciom (accessed: 21.03.2026)
7. Козлов, В. П. (2024). Социальная сплочённость и духовность: роль религии в формировании гражданской идентичности. В: *Гуманитарное знание и духовная безопасность* (с. 63–68). Грозный: ООО «Издательство АЛЕФ». EDN: https://elibrary.ru/MTKMTL
8. Лункин, Р. Н., & Мельник, С. В. (2024). Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства. *Россия и мир: научный диалог, (2)*, с. 52–65. https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65. EDN: https://elibrary.ru/VKERJR
9. Матвиенко, В. А. (2023). Религия в контексте развития национально-государственной идентичности российской молодёжи. В: *Духовно-нравственное воспитание: исторические вызовы и выбор человека* (с. 302–309). Москва: Московский государственный областной педагогический университет. EDN: https://elibrary.ru/CVFSBW
10. Мордишева, Л. Н., Юрасов, И. А., Тимохина, Д. М., & Луканина, Ю. Р. (2025). Исламская религиозная идентичность в контексте формирования общегражданской Российской идентичности: социологический анализ. *Известия выс-*

*ших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, (3)*, с. 5–28. https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/RVWHUP

11. Мурог, Е. И. (2025). Новая гражданская религия России. В поисках национальной идентичности. *Вопросы политологии, 15*(5), с. 1639–1651. https://doi.org/10.35775/PSI.2025.117.5.008. EDN: https://elibrary.ru/AQEFZC
12. Мчедлова, М. М. (2018). Религиозная ситуация в России и её регионах. В: В. А. Тишков, & В. В. Степанов (Ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 163–170). Москва: ИА РАН. EDN: https://elibrary.ru/XZFLGX
13. Незнанова, В. С. (2021). Влияние православной церкви на развитие гражданского общества в России. *Социодинамика, (10)*, с. 1–8. https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36677. EDN: https://elibrary.ru/SLRUGM
14. Носенко-Штейн, Е. Э. (2021). Идентичность, самоидентификация, память у евреев современной России. В: *Иудаика в системе современного образования: сборник материалов Международной научной конференции* (с. 98–113). Москва: Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина. EDN: https://elibrary.ru/OJTKWI
15. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 (2022). Retrieved from https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed: 21.03.2026)
16. Религия и общество: мониторинг (2025). *ВЦИОМ*. Retrieved from https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (accessed: 21.03.2026)
17. Синь, А. Л. (2025). Роль православия как фактора формирования российской гражданской идентичности в эпоху постсекулярности. *Общество: политика, экономика, право, (8)*, с. 120–125. https://doi.org/10.24158/pep.2025.8.14. EDN: https://elibrary.ru/IXARDS
18. Скрябин, Д. И. (2025). Роль нормативно-правовых актов в формировании общероссийской гражданской идентичности. *Социально-гуманитарные знания, (1)*, с. 275–279. EDN: https://elibrary.ru/UYXDAL
19. Степанов, С. В. (2026). Динамика религиозных культурных процессов в России конца XX – первой четверти XXI вв. (обзор публикаций). *Сибирский антропологический журнал, 10*(1), с. 146–157. EDN: https://elibrary.ru/DSSTBS
20. Топпер, П. (2022). Становление буддизма в современной России как формы новой идентичности. В: В. А. Егоров (Ред.), *Многообразие религиозных форм современной России* (с. 85–114). Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия. EDN: https://elibrary.ru/UETVJW
21. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997). *Собрание законодательства РФ, (39)*, ст. 4465.

22. Ярлыкапов, А. А., & Адиев, А. З. (2021). Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности». *Исламоведение, 12*(4), с. 59–74. https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74. EDN: https://elibrary.ru/WQSRVH

***References***

1. Bagaeva, K. A., & Tsyrendorzhieva, D. Sh. (2023). Social functions of religion and specifics of their implementation in modern conditions. *Bulletin of Buryat State University*, (1), pp. 18–30. https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-1-18-30. EDN: https://elibrary.ru/JCBHEE
2. Bicharova, M. M. (2020). Representation of the concepts “religious identity” and “religious identity” in Russian and Western linguocultures. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 13(4), pp. 147–155. https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30. EDN: https://elibrary.ru/GHLSNF
3. Burkova, E. I. (2021). Religious identity as a factor of Russia’s political development. *Discourse-P*, 18(1), pp. 91–113. https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-91-113. EDN: https://elibrary.ru/XDHEZU
4. Vorokhobov, A. V. (2021). Religion as an answer to existential questions (on the example of Christianity). *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 1(4), pp. 23–31. https://doi.org/10.25991/vrhga.2022.23.4.022. EDN: https://elibrary.ru/OJIPJK
5. Vorokhobov, A. V. (2025). Religiosity as an anthropological constant: A secular approach. In: *Current Issues of Modern Russian Religious Studies: Terms and Basic Conceptualizations of the Phenomenon of Religiosity* (pp. 69–71). Vladimir: Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. EDN: https://elibrary.ru/MRWVRX
6. *67 % of Russians are Orthodox, 7 % are Muslim — VCIOM poll (n.d.)*. Institute of Religion and Politics. Retrieved from https://irp.news/v-rf-67-pravoslavnyh-7-musulman-opros-vciom (accessed: 21.03.2026)
7. Kozlov, V. P. (2024). Social cohesion and spirituality: The role of religion in forming civic identity. In: *Humanitarian Knowledge and Spiritual Security* (pp. 63–68). Grozny: OOO “Publishing House ALEF”. EDN: https://elibrary.ru/MTKMTL
8. Lunkin, R. N., & Melnik, S. V. (2024). Interreligious dialogue: Current significance, typology, and features of the post-Soviet space. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, (2), pp. 52–65. https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65. EDN: https://elibrary.ru/VKERJR
9. Matvienko, V. A. (2023). Religion in the context of developing national and state identity of Russian youth. In: *Spiritual and Moral Education: Historical Challenges and Human Choice* (pp. 302–309). Moscow: Moscow Region State Pedagogical University. EDN: https://elibrary.ru/CVFSBW
10. Mordisheva, L. N., Yurasov, I. A., Timokhina, D. M., & Lukanina, Yu. R. (2025). Islamic religious identity in the context of forming a common civic Russian identity:

A sociological analysis. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences*, (3), pp. 5–28. https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/RVWHUP

11. Murog, E. I. (2025). Russia's new civil religion. In search of national identity. *Issues of Political Science*, 15(5), pp. 1639–1651. https://doi.org/10.35775/PSI.2025.117.5.008. EDN: https://elibrary.ru/AQEFZC
12. Mchedlova, M. M. (2018). The religious situation in Russia and its regions. In: V. A. Tishkov, & V. V. Stepanov (Eds.), *Ethnic and Religious Diversity of Russia* (pp. 163–170). Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS. EDN: https://elibrary.ru/XZFLGX
13. Neznanova, V. S. (2021). The influence of the Orthodox Church on the development of civil society in Russia. *Sociodynamics*, (10), pp. 1–8. https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36677. EDN: https://elibrary.ru/SLRUGM
14. Nosenko-Stein, E. E. (2021). Identity, self-identification, and memory among Jews in contemporary Russia. In: *Judaic Studies in the System of Modern Education: Proceedings of the International Scientific Conference* (pp. 98–113). Moscow: Russian State University named after A. N. Kosygin. EDN: https://elibrary.ru/OJTKWI
15. *Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022* (2022). Retrieved from https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed: 21.03.2026)
16. *Religion and Society: Monitoring* (2025). VCIOM. Retrieved from https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (accessed: 21.03.2026)
17. Xin, A. L. (2025). The role of Orthodoxy as a factor in forming Russian civic identity in the era of post-secularity. *Society: Politics, Economics, Law*, (8), pp. 120–125. https://doi.org/10.24158/pep.2025.8.14. EDN: https://elibrary.ru/IXARDS
18. Skryabin, D. I. (2025). The role of regulatory legal acts in forming a common Russian civic identity. *Social and Humanitarian Knowledge*, (1), pp. 275–279. EDN: https://elibrary.ru/UYXDAL
19. Stepanov, S. V. (2026). Dynamics of religious and cultural processes in Russia in the late 20th – first quarter of the 21st centuries (a review of publications). *Siberian Anthropological Journal*, 10(1), pp. 146–157. EDN: https://elibrary.ru/DSSTBS
20. Topper, P. (2022). The emergence of Buddhism in modern Russia as a form of new identity. In: V. A. Egorov (Ed.), *Diversity of Religious Forms in Modern Russia* (pp. 85–114). Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. EDN: https://elibrary.ru/UETVJW
21. *Federal Law No. 125-FZ dated September 26, 1997 (as amended on April 6, 2024) "On Freedom of Conscience and on Religious Associations"* (1997). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (39), Art. 4465.

22. Yarlykapov, A. A., & Adiev, A. Z. (2021). Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, mosaicization, and the problem of "traditionality". *Islamic Studies*, 12(4), pp. 59–74. https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74. EDN: https://elibrary.ru/WQSRVH

**ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**

**Ворохобов Александр Владимирович**, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
*Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»*
*пр. Гагарина, 17А, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация*
*vorokhobov@yandex.ru*

**Собко Руслан Васильевич,** кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
*Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»*
*пр. Гагарина, 17А, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация*
*r.sobco@mail.ru*

**DATA ABOUT THE AUTHORS**

**Alexander V. Vorokhobov**, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Education Disciplines
*V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Volga Branch*
*17A, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation*
*vorokhobov@yandex.ru*
*SPIN-code: 1329-1458*
*ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6936-9971*
*Researcher ID: AAR-2112-2020*
*Scopus Author ID: 881246*

**Ruslan V. Sobko,** PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines
*V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Volga Branch*
*17A, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation*
*r.sobco@mail.ru*

Поступила 02.03.2026
После рецензирования 22.03.2026
Принята 30.03.2026

Received 02.03.2026
Revised 22.03.2026
Accepted 30.03.2026